

В сянься-романах сцены вроде разрыва пространства и побега через пространственную щель обычно подаются как нечто совершенно заурядное. Но Цзян Тан всё-таки был всего лишь человеком, провалившимся в книгу, и никакого опыта в подобных вещах у него не было. Когда он впервые с этим столкнулся, он даже не успел подумать, кто его похитил и зачем. Первой его реакцией оказалось совсем другое:

Его укачало.

Да, именно так. Причём укачало всерьёз.

В тот миг, когда его резко втянуло в эту жуткую трещину, Цзян Тану показалось, будто его посадили на бешено раскачивающийся кораблик: ещё секунду назад под ногами была твёрдая земля, а потом его швырнуло в воздух, всё вокруг завертелось, и в голове стало пусто. Очнулся он уже тогда, когда его с размаху бросило на землю.

Было больно.

Прокатившись по земле на пол-оборота, Цзян Тан наконец кое-как выбрался из состояния «меня сейчас вывернет» и обнаружил, что снова оказался в обители Десяти Сторон.

Сейчас в обители Десяти Сторон не было ни души. Над двором палило яростное солнце, кругом стояла мёртвая тишина.

Ясно было одно: во всей области Цянькунь никто не посмел бы напасть на него, пока Фу Линцзюнь оставался всем им не по зубам, да ещё и сердечный огонь каждого теперь был у него в руках. Кроме одного человека: Цзян Чаньюаня, у которого, возможно, и правда ускользнул обрывок души.

Тем более сейчас он находился в самой обители Десяти Сторон Цзян Чаньюаня. Сомнений не оставалось: похитил его именно он.

Дело было дрянь. Самое время паниковать.

Цзян Тан настороженно поднялся с земли. Бежать он не решался и мог только исподлобья поглядывать на человека, который притащил его сюда.

Неужели Цзян Чаньюаню и правда удалось завершить захват тела и обрести настоящую плоть?

Но стоило присмотреться, как он сразу понял: что-то здесь не так.

После начала лета становилось всё жарче, а тело, которое занял Цзян Чаньюань, с головы до ног было укутано в тяжёлый чёрный плащ. Открытым оставался лишь небольшой участок лица, будто этот человек боялся света.

Открытая кожа была не просто бледной: не здоровой бледностью и не спокойной белизной живого человека, а мертвенно-белой, с серо-зелёным оттенком. И, может, ему только почудилось, но на тыльной стороне руки, скрытой под плащом, Цзян Тан даже заметил что-то похожее на трупные пятна...

Цзян Тан с тревогой встретился с этим человеком взглядом.

Глаза были пустыми, расфокусированными, совершенно неживыми.

Это действительно был труп.

Вот до чего докатился Цзян Чаньюань: даже подобрал мёртвое тело, чтобы им воспользоваться.

Нет, не сходилось. Область Цянькунь оставалась запечатанной, и на этот раз Фу Линцзюнь специально сохранял всем жизнь, чтобы воспользоваться их сердечным огнём. По идее, никаких трупов здесь вообще не должно было быть. Тем более таких, на которых уже проступили трупные пятна... Разве что это тело Цзян Чаньюань приготовил заранее и спрятал где-то ещё до всего случившегося, а теперь, лишившись прежней плоти, просто воспользовался запасным вместилищем.

Если так, тогда можно понять, почему поначалу, когда он оказался заперт внутри огромного кокона, Цзян Чаньюань бесновался как сумасшедший, а потом вдруг неестественно притих.

Он не смирился со смертью. Просто придумал, как переломить ситуацию, и потому больше не боялся потерять прежнее тело.

От этой мысли Цзян Тан невольно сглотнул. Ему стало по-настоящему страшно.

На этом новом теле ещё оставалась кровь: ярко-красная, влажная. Когда труп подошёл ближе, в нос ударил отвратительный смрад крови и гнили. Одним движением он схватил Цзян Тана за ворот и рывком поднял с земли:

— Почему не бежишь?

Голос у него был хриплый, сухой, такой мерзкий, что Цзян Тану он напомнил голос призрака из кошмара посреди ночи.

Цзян Тан был человеком слабым, но не глупым. Сперва он решил, что его сейчас просто задушат, однако быстро понял: пока это всего лишь воротник впивается в шею, а в остальном терпеть можно, дёргаться нет смысла. Болтаясь в воздухе, как перепёлка, которую подняли за шкирку, он очень честно ответил:

— Всё равно... не убегу.

И это была чистая правда.

Если рассуждать здраво, даже в самом жалком состоянии Цзян Чаньюань всё равно мог одним движением прикончить двух слуг госпожи Хэ. Цзян Тан отлично понимал, что никаких полезных навыков у него нет, а попытка сбежать лишь повысит его шансы умереть. Куда разумнее было тихо залечь и ждать, пока босс сам его найдёт.

Но даже такой покладистый, послушный и удобный заложник Цзян Чаньюаня не устроил. Неизвестно, какая именно фраза его задела, но рука, державшая Цзян Тана за ворот, вдруг жестоко сместилась выше и сомкнулась на его тонкой шее.

— Кх... — Цзян Тана целиком оторвали от земли. Шею пронзила острая боль, перед глазами поплыло.

Страх удушья и накрывшая его волна боли наконец заставили его отчаянно заёрзать.

Но сил с каждой секундой оставалось всё меньше. Пальцы на шее сжимались всё крепче, и в какой-то момент Цзян Тан ясно почувствовал: ещё немного, и его здесь просто задушат насмерть.

И тут из прозрачной бусины, висевшей у него на шее, вдруг вырвалась тонкая золотисто-красная искра. Она обвилась вокруг окоченевшей мёртвой руки.

С шипением язычки пламени поползли вверх по рукаву и мгновенно охватили всю руку. Пусть это тело давно было мертво и не чувствовало боли, сам Цзян Чаньюань вдруг ощутил жгучую муку и ужас, исходившие прямо из души.

— Изначальное духовное пламя?! — его расфокусированные глаза от изумления распахнулись шире. Он резко разжал пальцы и швырнул Цзян Тана прочь, будто тот был раскалённой докрасна головешкой.

Горящая ладонь жгла так, словно обжигала саму душу, стирая её в пепел. Эта боль нахлынула, как цунами. Внутри этого труп у Цзян Чаньюаня оставалась лишь жалкая обрывочная душа, и второго прикосновения изначально духовного пламени она просто не выдержала бы. Если позволить пламени разгореться дальше, сгорит не только это тело, но и остатки его души.

В его пустом взгляде вдруг мелькнули ярость и решимость. Больше он не колебался: молниеносно выхватил духовный меч и обрушил его на горящую руку.

Раздался глухой, влажный звук. Клинок вошёл в плоть, перерубил кость, и вся рука ниже локтя с тяжёлым стуком упала на землю. Пламя с шипением охватило отсечённую конечность, вмиг обуглило её, а затем превратило в пепел, рассеявшийся в воздухе.

Из свежего среза не потекла кровь. Оттуда лишь вырвался густой смрад гниющей плоти.

— Проклятый Фу Шэн... Он даже изначальное духовное пламя готов был тебе отдать! — в глазах Цзян Чаньюаня вспыхнула ядовитая ненависть. Эта внезапная вспышка огня окончательно привела его в бешенство.

Цзян Тан несколько раз перекатился по земле и остановился лишь тогда, когда врезался в дерево. Казалось, у него сейчас рассыпятся все кости. Шея болела ещё сильнее, будто её обожгло изнутри, и говорить он не мог, только издавал жалобные, сдавленные всхлипы.

Ещё минуту назад у него в голове с наглым размахом носились комментарии вроде: «У меня, между прочим, парень — Фу Линцзюнь! Ты себе слишком узкую дорожку выбрал!» или «Да чтоб тебя, что за псих, даже умереть нормально не смог!» Но теперь всё это разом сменилось совсем другими мыслями: «У-у-у, босс, когда ты уже меня найдёшь», «Мне конец, кажется», «Больно, больно, у меня шея не сломалась?» И где-то совсем жалко мелькало ещё одно желание — взять и просто потерять сознание. Такое унижение он уже почти не мог выносить.

Он жалко свернулся в комок, обеими руками зажимая шею, и только через долгое время сумел немного прийти в себя.

Когда у него наконец появились силы снова посмотреть на Цзян Чаньюаня, он увидел, что тот прожигает его своими мёртвыми глазами.

Цзян Тан: «...»

Вот ведь прелесть. Душить его, значит, можно, а потом ещё и смотреть так, будто это Цзян Тан во всём виноват. Что за человек такой невыносимый.

Лицо Цзян Чаньюаня исказилось ещё сильнее, а голос прозвучал почти с рычанием:

— Кто ты такой на самом деле?!

Цзян Тан и правда не знал, что тут отвечать. Личностей у него и без того хватало с избытком: благой зверь, человек, провалившийся в книгу, а теперь ещё и парень Фу Линцзюня. И какая именно из этих ролей интересовала Цзян Чаньюаня, было совершенно непонятно.

К тому же, что бы он ни сказал, Цзян Чаньюань всё равно либо взбесится, либо решит его убить. Так что лучше было молчать и сохранять жизнь.

Наверное, на этот раз взгляд Цзян Тана оказался слишком жалким и измученным, потому что Цзян Чаньюань не бросился снова его калечить. Цзян Тан сидел на земле, восстанавливая дыхание, а они оба в это время просто упрямо таращились друг на друга.

Он не пытался бежать. Цзян Чаньюань пока не сходил с ума. Атмосфера становилась всё более неловкой и зловещей, и только спустя долгое время Цзян Тан сумел встать на ноги.

И тогда он с опозданием заметил: у Цзян Чаньюаня не хватает одной руки ниже локтя.

Что?

Когда это произошло?

Мгновение назад его почти задушили, потом швырнули так далеко, что перед глазами расплясались разноцветные звёзды. Ни на что другое у него просто не осталось сил. И теперь он по-настоящему растерялся. Почему Цзян Чаньюань внезапно лишился руки? Почему теперь одновременно и ненавидит его, и опасается? Что вообще произошло за тот короткий миг, который он пропустил?

Неужели, когда он был на грани смерти, у него вдруг пробудилась какая-то сверхспособность, как у Кагомэ против демона-сороконожки?

Чем дальше он об этом думал, тем нелепее всё звучало, и он поспешно мотнул головой. Нет, невозможно. Его бесполезность была уже безнадёжной. Цзян Чаньюань явно боялся не его самого, а того... что висело у него на шее.

Стоило опустить взгляд, как прозрачная бусина, струящая золотисто-красный свет, мягко засияла. Пламя внутри неё горело так, будто Фу Линцзюнь всё ещё стоял рядом.

— Хорошо. Очень хорошо, — Цзян Чаньюань одной рукой убрал меч в ножны. Его страшные мёртвые глаза сузились. В руке мелькнула чёрная тень, и длинный хлыст, будто живой, рванулся к Цзян Тану. Он не стал убивать его: лишь туго обвился вокруг талии и резко дёрнул вперёд, так что Цзян Тан беспомощно заскользил по земле, стирая колени о шершавые каменные плиты.

Изначальное духовное пламя вырвалось наружу только потому, что Цзян Чаньюань едва не убил его. До этого же, когда он тащил Цзян Тана сюда или просто держал его за ворот, ничего не происходило.

Цзян Тан, терпя боль, кое-как вскочил на ноги. Раз Цзян Чаньюань собирался волочь его за

собой, оставалось только стиснуть зубы и послушно идти следом. Они пересекли почти всю обитель Десяти Сторон, и лишь когда колени уже нестерпимо горели от боли, добрались до какой-то комнаты, утопавшей в темноте.

Именно в темноте.

Снаружи стоял белый день, но стены этой комнаты были покрыты чем-то, что поглощало свет, и внутри царил кромешная чернота. Цзян Тан не видел вообще ничего. Навстречу ударила густая сырость.

Из-за этой темноты он споткнулся о влажную солому на полу и с позором растянулся ничком.

Сырость вокруг была такой тяжёлой, будто его целиком окутал плотный туман, не оставив свободным ни единого дюйма. Она даже оседала на пальцах тонкой влажной плёнкой, от которой по всему телу становилось неприятно.

Или, если выразаться языком сянься-романов, это была иньская энергия.

— И как только Фу Шэн мог заинтересоваться кем-то вроде тебя, — даже несмотря на то, что они виделись не впервые, беспомощность Цзян Тана всё равно снова превзошла все ожидания Цзян Чаньюаня. В прошлый раз он лишь подумал, что этот человек рядом с Фу Линцзюнем станет для того обузой и слабым местом. Теперь же ему оставалось только удивляться, как на свете вообще может существовать настолько хрупкий и неуклюжий культиватор.

Будь это его собственное живое тело, во взгляде под капюшоном наверняка уже стояло бы одно сплошное презрение.

Цзян Тан, ни капли не смутившись, молча поднялся с пола и вполголоса пробормотал по-китайски:

— Ну любит босс слабаков, и что с того? Не нравится — терпи.

Эту фразу Цзян Чаньюань, похоже, услышал. Но, хотя она и была цельной, для него каждое слово прозвучало как небесная тарабарщина.

— Что ты сказал? — хлыст у него в руке затянулся туже, так что талию Цзян Тана снова больно сдавило.

— Я... не знаю, — он поджал губы, и из-за боли лицо его опять стало жалким.

На этот раз звучало даже правдоподобно.

Цзян Чаньюань быстро сложил печать, заставив хлыст крепче сковать Цзян Тана, затем подошёл вплотную, сорвал с его пояса жемчужину-нахай и принялся обыскивать одежду.

Он нашёл зеркало связи, нашёл завёрнутые за пазухой сладости и ещё две палочки для гадания — прекрасно сохранившиеся, хотя с виду самые обычные.

На одной значился пустой жребий, выведенный алой киноварью. На другой, счастливой, стояли восемь иероглифов: «Когда цинь и сэ звучат в согласии, всё в мире тихо и прекрасно».

— Хм, — усмехнулся он, бросив палочки и сладости обратно. Забрав зеркало связи и жемчужину-нахай, он вдобавок ещё и запечатал духовную силу Цзян Тана.

То, что у него отняли зеркало связи и запечатали духовную силу, Цзян Тан стерпел без сопротивления. Но когда он увидел, как грязная рука вместе с жемчужиной-нахай сжимает подаренный Фу Линцзюнем нефритовый кулон, внутри у него вдруг вспыхнул настоящий гнев, и он даже кинулся кусаться.

И тут же был одним ударом ноги отброшен обратно на сырую подстилку из соломы.

— Хочешь вернуть это? — Цзян Чаньюань взглянул на жемчужину-нахай в руке. Он не обратил внимания на нефритовый кулон на красном шнурке и решил, что Цзян Тан прячет что-то важное именно в жемчужине. Поэтому он просто швырнул и кулон, и жемчужину в другой угол комнаты.

Сердце Цзян Тана подскочило к горлу, пока он следил, как кулон описывает дугу в воздухе и падает вниз. К счастью, пол был застелен мокрой соломой, и звука разбившегося нефрита он не услышал.

Только тогда он чуть-чуть перевёл дух.

— Зачем ты меня схватил? — поняв, что пока убить его Цзян Чаньюань всё равно не может, Цзян Тан немного осмелел и решил выведать хоть что-то.

Но напротив него сидел Цзян Чаньюань, старый лис, проживший тысячи, если не десятки тысяч лет, и повидавший куда больше, чем Цзян Тан мог себе представить. Он лишь носком сапога разгрёб солому на полу и, не выпуская хлыста из руки, начал что-то чертить на земле.

Видя, что тот больше не собирается отвечать, Цзян Тан смог только сжаться в маленький, несчастный и никому не нужный грибочек.

Хлыст на его талии не ослаб. Цзян Чаньюань всё это время держал его духовной силой, не давая ни малейшего шанса на побег.

Так что Цзян Тан мог лишь сидеть, свернувшись, и медленно тянуться рукой к бусине у себя на шее.

Золотисто-красное изначальное духовное пламя ласково выскользнуло из бусины и обвилось вокруг его пальцев.

Огонёк был слабым, но прекрасным, мерцающим, точно звезда.

Он так скучал по нему.

Цзян Тан бережно держал на ладонях духовное пламя, подаренное ему Фу Линцзюнем, и в этой тьме обнимал единственный свет, принадлежавший только им двоим.

Примечание автора:

Лимитированная версия несчастного Тан-Тана.

<http://bllate.org/book/17032/1722554>